

Поездка министра внутренних дел В.К. фон Плеве по Сибири в 1903 году и переселенческий вопрос

С.А. Сафронов

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия

Safronow63@mail.ru

Статья поступила 27.05.2024, принята 14.06.2024

В статье рассматриваются поездка министра внутренних дел Российской империи В.К. фон Плеве в Сибирь в 1903 г. и вопросы, связанные с переселением. Особый интерес вызывают действия В.К. фон Плеве в деле развития переселения крестьянского населения в Сибирь. Он был убежденным сторонником свободного переселения, поскольку считал, что значительную часть сельского населения из-за его тяжелого материального положения нужно переселить в Сибирь. По его мнению, в Сибири переселенцам нужно помогать устроиться за счет средств государства. При этом В.К. фон Плеве удалось много сделать для развития данного курса колонизационной политики. В частности, он приложил существенные усилия для принятия переселенческого закона (1889), который несколько облегчал переселение; содействовал созданию государственных переселенческих врачебно-продовольственных пунктов. Также В.К. фон Плеве предпринял поездку по Сибири с целью ознакомления с переселенческим делом на местах водворения новоселов. Во время поездки министр внутренних дел посетил Нижний Новгород, Самару, Пермь, Уфу, Казань, Челябинск, Омск и Томск. Он осмотрел много переселенческих пунктов и участков. Особое впечатление на него произвел Челябинский переселенческий пункт, который фактически представлял собой небольшой городок. Итогом поездки В.К. фон Плеве по Сибири стала его аналитическая записка для Николая II «Современное положение переселенческого дела в России», в которой он дал рекомендации для развития колонизационной политики. Накануне своей гибели В.К. фон Плеве успел поспособствовать принятию нового переселенческого закона от 4 июня 1904 г., который лег в основу переселенческой политики П.А. Столыпина.

Ключевые слова: Вячеслав Константинович фон Плеве; Комитет Сибирской железной дороги; колонизационная политика; переселенческие пункты; врачебно-продовольственная помощь.

The trip of the Minister of Internal Affairs V.K. von Plehve to Siberia in 1903 and the resettlement issue

S.A. Safronov

Siberian Federal University; 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

Safronow63@mail.ru

Received 27.05.2024, accepted 14.06.2024

The article examines the trip of the Minister of Internal Affairs of the Russian Empire V.K. von Plehve to Siberia in 1903 and issues related to resettlement. Of particular interest are the actions of V.K. von Plehve in the development of the resettlement of the peasant population to Siberia. He was a staunch supporter of free resettlement because he believed that a significant part of the rural population had to be relocated to Siberia due to their difficult financial situation. In his opinion, in Siberia, immigrants needed to be helped to get settled at the expense of the state. At the same time, V.K. von Plehve managed to do a lot to develop this course of colonization policy. In particular, he made significant efforts to adopt the Resettlement Law of 1889, which somewhat facilitated resettlement, promoted the creation of state resettlement medical and food points. V.K. von Plehve also undertook a trip to Siberia in order to familiarize himself with the resettlement business at the place of settlement of new settlers. During the trip, the Minister of Internal Affairs visited Nizhny Novgorod, Samara, Perm, Ufa, Kazan, Chelyabinsk, Omsk and Tomsk. He examined many resettlement points and sites. He was particularly impressed by the Chelyabinsk resettlement center, which was actually a small town. V.K. von Plehve's trip to Siberia resulted in his writing an analytical note for Nicholas II "The current state of resettlement in Russia", in which he gave recommendations for the development of colonization policy. On the eve of his death, V.K. von Plehve managed to contribute to the adoption of a new Resettlement Law dated June 4, 1904, which formed the basis of P.A. Stolypin's resettlement policy.

Keywords: Vyacheslav Konstantinovich von Plehve; Siberian Railway Committee; colonization policy; resettlement centers; medical and food assistance.

Российский государственный деятель Вячеслав Константинович фон Плеве (1846–1904) активно занимался вопросами о переселении крестьян. Его политика в крестьянском вопросе во многом была сходна с программой реформ П.А. Столыпина, который также уделял большое внимание организации крестьянского переселения. Интересно, что своим продвижением по службе выдающийся реформатор был обязан именно В.К. фон Плеве. Отечественная историография мало уделяла внимания этому историческому лицу в вопросе развития переселенческого дела.

К наиболее заметным исследованиям, где прослеживается влияние В.К. фон Плеве на формирование переселенческого курса, можно отнести монографию Л.Ф. Склярова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы» (Ленинград, 1962), в которой указывается, что В.К. фон Плеве в качестве министра внутренних дел предложил Комитету Сибирской железной дороги новый переселенческий курс, основанный на важности колонизационных интересов [1]. Также можно указать на монографию И.В. Островского «Аграрная политика царизма в Сибири в период капитализма» (Новосибирск, 1991), где также упоминается о совещании по вопросу об улучшении постановки переселенческого дела (1904). В.К. фон Плеве принимал непосредственное участие в данном совещании под председательством А.Н. Куломзина и назвал деятельность Переселенческого управления полумерами [2]. Все это означало коренной поворот в переселенческом деле. Что же касается поездки В.К. фон Плеве по Сибири в 1903 г., то она в российской историографии не отражена, исследования по этому вопросу не проводились.

Между тем, под руководством В.К. фон Плеве был разработан закон от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли». Переселенцы могли получать ссуды на продовольствие и обсеменение полей. Им предоставляли льготы: отсрочку воинской повинности на 3 года, освобождение на тот же срок от всех податей и повинностей, в последующие годы повинности уплачивали в половинном размере. При Земском отделе министерства внутренних дел учредили 6 должностей чиновников особых поручений для наблюдения за движением переселенцев, оказания им содействия во время следования к местам нового водворения, регистрации переселений.

До начала постройки Сибирской железной дороги движение переселенцев осуществляли по трем направлениям, исходными пунктами которых были Тюмень (с 1883 г. там начали строить переселенческие бараки, чему также очень способствовал В.К. фон Плеве), Оренбург и Уфа. Пе-

реселенческое движение в Сибирь шло двумя путями, первый — по Волге и Каме, далее по Уральской железной дороге до Тюмени; второй — через Самару и Уфу по Сибирской железной дороге.

Первые переселенческие бараки возникли в Казани, Нижнем Новгороде, Перми, Самаре, Рязске, они были построены на благотворительные средства. Но эти бараки имели характер вокзалов или пристаней, где переселенцы просто ждали отхода поезда или парохода. С 1893 г. в Тюмени начали строить бараки для переселенцев нового типа (на 1 тыс. чел.). Они находились за городом, на берегу р. Туры. Территория для размещения переселенцев была с четырех сторон обнесена забором, вдоль которого находились жилые помещения. Слева от входных ворот были большие кухни, а между кухнями — большой барак, разделенный на четыре отделения. Каждое отделение было просторным, с тремя большими окнами, нары располагались вдоль стен. Потолка не было, в крыше сделали отверстия для вентиляции. В каждом отделении могли разместить около 100 чел. с вещами.

В 1892 г. на строительство переселенческой больницы выделили 47 800 р. В августе ее ввели в эксплуатацию. Больница для переселенцев находилась в центре пункта. В отдельные годы Тюменский переселенческий пункт одновременно принимал до 20 тыс. переселенцев. Он был соединен отдельной железнодорожной веткой с вокзалом и пристанью и при этом совершенно изолирован от города. Поезда с переселенцами подавали прямо на пункт. Заведующим Тюменским переселенческим пунктом в 1884–1894 гг. был Петр Петрович Архипов (одновременно он был чиновником особых поручений МВД по организации крестьянских переселений в Тобольскую губернию [3]).

Из Тюмени переселенцы следовали на пароходах по рекам Туре и Тоболу до Тобольска, откуда некоторые шли вверх по р. Иртыш до пристани Карташево, Омска и Павлодара. Другие спускались до впадения Иртыша в Обь, следовали по ней до Томска, а оттуда в восточные и южные окраины Томской губернии, Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства. Водворявшиеся в Тобольской и западных округах Томской губернии продолжали свой путь от Тюмени на лошадях. Через Тобольскую губернию таким образом проходило 70 % всех переселенцев, остальные — через Томскую. В самом Томске прибывшие на пароходах переселенцы приобретали лошадей и телеги для следования по грунтовым дорогам в Мариинский и Кузнецкий округа, а также далее на восток [4].

С 1894 г., по мере строительства Западно-Сибирской железной дороги, переселенцы стали направляться на Уфу и Челябинск. После постройки

ки Самаро-Златоустовской железной дороги Челябинск стал главным перевалочным пунктом для переселенцев из центральных губерний России. Челябинский переселенческий пункт был крупнейшим на территории Российской империи, через него в этот период следовало 94 % всех переселенцев, и его называли «ворота в Сибирь». После этого живописно расположенный на берегу р. Туры Тюменский переселенческий пункт совершенно запустел. Те немногие переселенцы, которые направлялись в Сибирь, на него даже не заходили. Дело дошло до того, что переселенческие бараки пришлось сдать под амбары для хранения кожи, а заведующий пунктом П.П. Архипов переехал в Челябинск [3].

Между тем, 18 июня 1903 г. на заседании Комитета Сибирской железной дороги Николай II поставил на очередь вопрос о желательности изменения существовавшей постановки переселенческого дела и передаче этого вопроса на предварительное обсуждение Особого совещания из министров внутренних дел, финансов, земледелия и государственных имуществ под председательством статс-секретаря А.Н. Куломзина. Из-за сложности порученного Совещанию дела оно могло быть выполнено только в случае его всестороннего изучения. При этом вначале можно было наметить только главные направления работы. В частности, прежде всего необходимо было определиться, как относиться к переселению, считать ли его явлением, не требующим правительственного руководства, или таким, которое должно быть взято правительством в свои руки? В случае одобрения последнего нужно было выяснить вопрос о том, а в состоянии ли вообще российское государство руководить процессом переселения? Не было ли это просто одним из тех «благопожеланий», которые, при всей их правильности с теоретической точки зрения, не могли проводиться в жизнь, поскольку не были сообразованы с трудностями их практического осуществления? Многие высшие чиновники Российской империи полагали, что, если исходить из существующих размеров переселения, подчинение его правительственной регламентации невозможно. Более того, часть переселенцев (наиболее состоятельные, которых приписывали к старожильческим селениям, и переселявшиеся на покупавшиеся или арендованные земли) вообще не нуждалась в правительственной помощи. К тому же, многие крестьяне переселялись из таких местностей, где переселение не поощрялось (территории с инородческим населением и многоземельные губернии). Также значительная часть переселенцев принадлежала к средне зажиточным, и им правительственная помощь не требовалась (они должны были переселяться на свои средства). Правительственные чи-

новники полагали, что к переселению, в идеале, нужно было допускать лишь тех крестьян, которые могли быть полезны государству на новых местах [5].

Все это потребовало от министра внутренних дел ознакомительной поездки в Сибирь, чтобы на месте определиться в существовавших на тот момент реалиях переселенческого дела (в поездке его сопровождал исполнявший обязанности начальника Переселенческого управления А.В. Кривошеин). Уезжая на время из Санкт-Петербурга, В.К. фон Плеве передал заведование текущими делами департамента полиции своему товарищу (заместителю) В.В. фон Валу, прочими уставновлениями – П.Н. Дурново [6]. Управление Сибирской железной дороги сообщило, что, согласно извещению по телеграфу, следование экстренного поезда, на котором прибывал в Сибирь министр внутренних дел, статс-секретарь В.К. фон Плеве, предполагали по следующему маршруту: на станцию Челябинск поезд должен был прибыть 5 или 8 сентября в 9 ч 4 мин вечера, на станцию Тайга – 9 или 12 сентября в 9 ч 17 мин вечера и отправиться в Томск в 9 ч 37 мин вечера; на станцию Межениновка поезд В.К. фон Плеве мог прибыть 9 или 12 сентября в 11 ч 47 мин вечера и на станцию Томск – в 12 ч 9 мин ночи. Далее из сообщения управления железной дороги видно, что министр внутренних дел должен был остановиться на 2 дня в Межениновке и также на 2 дня в Томске, затем он решил отправиться обратно в Санкт-Петербург [7].

Таким образом, 1 сентября 1903 г. В.К. фон Плеве прибыл в Нижний Новгород с верховьев Волги на казенном пароходе министерства путей сообщения «Межень» и принял во дворце представителей учреждений и ведомств. Министр также осмотрел земские учреждения [8]. В Нижнем Новгороде изначально под переселенческий пункт приспособили старую крытую баржу, которая вмещала до 600 чел. При ней была больничка на две кровати, ее обслуживал фельдшер.

2-го сентября гласные Нижегородской городской думы представлялись В.К. фон Плеве в зале кремлевского дворца (крепость в историческом центре Нижнего Новгорода), а 3-го сентября утром министр посетил городскую управу, где ему были представлены все заведующие отдельными отраслями городского хозяйства. Министр внутренних дел подробно расспрашивал о положении городского хозяйства, причем объяснения ему давал каждый заведующий по его отраслям. Затем В.К. фон Плеве пожелал ознакомиться с наиболее крупными насущными нуждами города, и городского управой были поданы памятные записки со всеми относящимися материалами по следующим наиболее важным для города и хорошо известным

городской думе вопросам: 1) о попутном сборе (в связи с вопросом об упорядочении отношений города и ярмарки); 2) о лечении больных (в связи с вопросом о выделении города из состава уездного земства в самостоятельную земскую единицу); 3) о канализации города (в связи с вопросом о займе на ее устройство); 4) об устройстве полиции в городе; 5) о передаче пожарной команды в ведение города; 6) о постоянном мосте через р. Оку. Ко всем этим вопросам министр отнесся крайне внимательно и благосклонно, высказав мнение, что, подробно ознакомившись с представленными материалами, он имел возможность быть защитником городских интересов не только формально, но и по существу. Прощаясь с членами городской управы, В.К. Плеве сообщил, что Нижний Новгород оставил у него самое благоприятное впечатление [9].

В этот же день он на пароходе «Межень» отправился в Казань [10]. Несколько ранее, 2-го сентября, начальник Сибирской железной дороги В.М. Павловский из Томска (своей резиденции) выехал в Челябинск для встречи с В.К. фон Плеве [11]. В Казань В.К. фон Плеве прибыл в 9 часов утра 4 сентября. Его встречали губернатор П.А. Полторацкий, вице-губернатор, начальник губернского жандармского управления и начальник штаба Казанского военного округа. Министр внутренних дел остановился во дворце. Прием прошел с 2 до 4 часов пополудни [12]. В Казани уже к середине 1890-х гг. существовало 5 переселенческих барачков, в каждом из которых можно было разместить по 250 чел. Четыре из них построили за казенный счет и один — на благотворительные деньги. При пункте были кухня и больница на 5 кроватей. В Казани В.К. фон Плеве пробыл сутки и 5-го сентября на пароходе отправился в Самару [13].

В Самару министр внутренних дел прибыл также на путевом пароходе «Межень» в 8 ч вечера 6-го сентября [14]. После этого он проследовал на вокзал и отбыл в 5 ч утра 7-го сентября на поезде Самаро-Златоустовской железной дороги в Уфу [15]. Самарская губерния занимала первое место среди европейских губерний России по числу переселенцев. Так, с 1897 по 1901 гг. в нее переселилось 20 428 душ обоего пола (74, 5 %). При этом положение переселенцев Самарской губернии было неудовлетворительным, в основном, из-за недостатка воды на участках и периодически повторявшейся засухи. Ввиду недостаточной состоятельности переселенцев причитающиеся с них платежи за отведенные земли приходилось постоянно зачислять в недоимки. Это привело к тому, что до 30 % переселенцев этой губернии бросали свои участки. В связи с такой ситуацией В.К. фон Плеве сделал вывод о том, что пере-

селению в юго-восточные губернии Европейской России нельзя придавать серьезного колонизационного значения, так как количество свободных земель там весьма ограничено из-за необходимости предоставлять их местным крестьянам, которым было легче приспособиться к условиям данных местностей [5]. Поэтому в Самаре В.К. фон Плеве долго не задержался.

Через Уфу В.К. фон Плеве проследовал вечером 7-го сентября. На всех попутных станциях Уфимской губернии его встречало хлебом-солью местное население [16]. В 3 ч дня 8-го сентября министр внутренних дел прибыл в Челябинск [17]. В этом городе в 1892 г. чиновник особых поручений А.А. Станкевич, командированный Земским отделом МВД для содействия переселенцам, организовал при станции Челябинск переселенческий пункт. В конце 1892 г. стали прибывать первые переселенцы. Для их размещения поставили два временных дощатых барака с земляным полом и легкие в сборке киргизские юрты. Кому не нашлось места под крышей, строили шалаши или ожидали поезд на перроне. В 1894 г. построили баню, приемный покой с двумя больничными палатами и помещение для регистрации переселенцев. Пищу переселенцы готовили под открытым небом, «в котлах, замазанных в землю».

Между тем, переселенческий пункт разрастался. Приходилось срочно строить бараки с двухэтажными нарами. К 1902 г. там уже имелось 19 зимних и летних барачков, зимняя и летняя столовые, амбулатория с аптекой, 9 больничных барачков, 2 прачечные, 3 бани и целый ряд подсобных помещений. К 1903 г. Челябинский пункт разделяли на три части — переселенческий остановочный двор, больницу и территорию, занятую переселенческими столовыми и хозяйственными постройками [18].

Челябинским переселенческим пунктом в 1894–1902 гг. управлял статский советник П.П. Архипов (бывший заведующий Тюменским переселенческим пунктом), которому впоследствии вверили заведование переселенческим делом на востоке от озера Байкал [19]. В 1903–1917 гг. Челябинский переселенческий пункт возглавлял действительный тайный советник Владимир Петрович Пилкин (в 1910-е гг. в его ведение были также переданы переселенческие пункты по линии Сибирской и Пермской железных дорог, а в 1912 г. и Западный район передвижения переселенцев) [20]. Бухгалтер Челябинского пункта Ф.И. Горбунов оставил о В.П. Пилкине следующую характеристику: «Среднего роста, коренастый, выхоленный аристократ, в высшей степени корректный, вежливый, внимательный, в то же время строгий, требовательный по службе чиновник» [21]. Заместителем В.П. Пилкина был Николай Кириллович

Минко (также известный археолог и нумизмат), который заведовал Челябинским узлом [22].

На Челябинском переселенческом пункте вели регистрацию всех переселенцев, проверяли их документы, причем переселенческие чиновники не имели права задерживать переселенцев, не имевших разрешение на переселение. Они только регистрировали переселенцев, да и то исключительно в том случае, если они обращались на пункт или к какому-либо чиновнику. Недостатком Челябинского переселенческого пункта было то, что его построили далеко от станции Челябинск (почти полторы версты), где существовал просторный вокзал, на котором переселенцы могли в течение нескольких часов ожидать сибирские поезда. Поэтому многие переселенцы не заезжали на пункт, ночуя прямо на вокзале на своих сундуках. Для исправления этой ошибки в 1897 г. у вокзала из тонких досок построили огромный сарай, который, однако, в этом же году сторел вместе с частью переселенцев, ночевавших в нем. Боязнь того, что Челябинский переселенческий пункт останется без переселенцев, заставила начальство построить к нему железнодорожную ветку. Причем строили ее зимой, оттаивая землю для прокладки полотна. Помимо этого, в Челябинске (и Тюмени) для переселенцев отвели даже отдельные кладбища, на которых за несколько лет их существования возникли тысячи могил, преимущественно детских [3].

Во время пребывания в Челябинске В.К. фон Плеве посетил переселенческий пункт и беседовал с некоторыми крестьянами-переселенцами, причем обратил особое внимание на обратных переселенцев, которые возвращались из Сибири на родину [23]. Обратные переселенцы приносили значительный вред переселенческому движению. Дело в том, что многие переселенческие чиновники были некомпетентны в своем деле, не видели ни одного переселенческого поселка, не бывали в Сибири и не знали о ее порядках. Поэтому переселенцы обращались за необходимыми сведениями к обратным переселенцам, и последние предоставляли настолько негативную информацию о Сибири, что некоторые переселенцы прямо с вокзала в Челябинске возвращались домой, на территорию Европейской России. В.К. фон Плеве признавал всевозрастающее количество обратных переселенцев и ходоков, не зачисливших землю. Он полагал, что это нельзя объяснить только неизбежными неудачами в колонизационном деле (в 1902 г. обратные переселенцы составляли 28 %, а ходоки, не нашедшие себе земли — 75, 82 %), и хотел пересмотреть всю организацию переселения. В.К. фон Плеве объяснял рост обратных переселенцев тем, что в Сибирь переселялись, в основном, середняки, так как богатым

было незачем переселяться, а бедные не могли. А нужно было наоборот — отселять за Урал бедных. К тому же, переселение в том виде, в каком оно существовало до этого, приводило к росту социального неравенства в деревне Европейской России, поскольку кулаки скупали по дешевке участки середняков-переселенцев, и в сельской местности оставались либо только очень богатые, либо только очень бедные [5]. 8-го сентября в 9 ч вечера В.К. фон Плеве отбыл экстренным поездом из Челябинска дальше на восток.

9-го сентября министр внутренних дел прибыл в Омск, где пробыл 2 дня и посетил областное правление. Побывал он и в Омском переселенческом пункте, где находились переселенческие бараки, канцелярия, водогрейка, баня, прачечная, дом для персонала, ледник, небольшая бакалейная лавка, где можно было приобрести табак, чай, сахар, орехи, квас, хлеб, колбасу, пряники. Практически все постройки были деревянными. Также В.К. фон Плеве выезжал для осмотра ближайших переселенческих поселков Тобольской губернии. Его заинтересовало положение переселенцев данной губернии после того, как он ознакомился с отчетом о командировке в Сибирь в сентябре 1902 г. члена Совета, министра внутренних дел, генерал-лейтенанта П.И. Томича. Согласно этому отчету, хлеба у переселенцев не было ни у кого, жилища также были не у всех, кроме того, отсутствовали средства к существованию, семена, хорошие дороги и земля, пригодная к хлебопашеству. В наличии был только «бесконечный лес». П.И. Томич опрашивал переселенцев по вопросу того, как они собирались провести зиму. Мужики крепились, не падали духом и выражали надежду на лучшее будущее, но при этом осаждали местные власти просьбами о выделении казенного хлеба, чтобы прокормить свои семьи. При отказе в немедленной помощи они терялись, хотели, но не могли вернуться на родину и настойчиво требовали совета о том, что им делать. Бабы были грустные и удрученные, плакали и жаловались на свою судьбу, безвыходное положение, вспоминали о родине. «Баринку, — сказала П.И. Томичу одна белоруска в пос. Глубоком, — возьмите нас отсюда, ведь мы же все здесь перемрем» [5].

Из встреч с переселенцами В.К. фон Плеве сделал ряд выводов — нельзя нарезать участки в сплошном лесу, где они отрезаны от других населенных пунктов; недопустимо оставлять их необеспеченными в водном отношении. В общем же, необходимо образовывать переселенческие участки только после тщательного выяснения всех условий, необходимых для их успешного заселения не только в хозяйственном, но и в административном отношении. Удобство организации управления и соответствие затрат правительства

на колонизацию с ожидавшимися от нее результатами были одними из главных критериев успешного переселения. Поэтому было необходимо сосредоточить в одних руках («в одном местном учреждении») образование переселенческих участков, управление и заботу об устройстве новоселов. В.К. фон Плеве полагал, что процесс заселения требовал масштабных, планомерных работ в тех местностях, где предполагали наибольший избыток земель, пригодных для колонизации. Кроме этого, он призывал ускорить процесс поземельного устройства, поскольку при темпе, который существовал на тот период, процесс аграрного заселения Сибири занял бы 100 лет [5].

Во время пребывания В.К. фон Плеве в Омске депутация местного купечества подала ему ходатайство о постройке железной дороги Омск – Ташкент. По мнению купцов, эта дорога, в случае ее постройки, должна была вызвать усиление товарообмена между окраинами. Так, Западная Сибирь, благодаря водному сообщению Обского бассейна, служившему естественным подъездным путем к Сибирской железной дороге, могла каждый год поставлять в Туркестанский край лесные строительные материалы на десятки миллионов рублей, в которых в Средней Азии ощущалась острая нужда. Кроме лесных материалов, Сибирь могла бы выставить на рынок кедровые орехи, различные растительные масла, рыбу (особенно красную). Туркестанский край в ответ привозил бы виноградные вина, сушеные фрукты, орехи, рисовую крупу, изделия из шелка, бархатные ковры и другие азиатские товары. Таким образом, этот железнодорожный путь, как «сказочный легендарный богатырь», должен был вызвать в обеих окраинах необычайное оживление в сфере торгово-промышленной деятельности, а это, в свою очередь, послужило бы стимулом к экономическому росту Туркестана и Сибири [24]. 11-го сентября В.К. фон Плеве отбыл в Томск [25].

В это же время в газетах опубликовали дальнейший график поездки В.К. фон Плеве по Сибири: на станцию Межениновку он должен был прибыть в пятницу 12-го сентября в 8 ч 8 мин по Санкт-Петербургскому времени или в 11 ч 47 мин вечера по местному томскому времени. В воскресенье 14-го сентября в 7 ч 20 мин вечера по Санкт-Петербургскому времени, или в 10 ч 59 мин вечера местного времени, он должен был отправиться также со станции Межениновка в обратный путь. В ночь на вторник 16-го сентября в 12 ч 2 мин он должен был прибыть в Омск и в 12 ч 40 мин, в ночь на среду, отбыть в Челябинск, откуда 17-го сентября В.К. фон Плеве отправился бы по Самаро-Златоустовской железной дороге в Санкт-Петербург. Между тем, 12-го сентября поездом № 1 в 3 ч 18 мин дня местного времени в Тайгу, на-

встречу прибывавшему министру внутренних дел, выехал иркутский генерал-губернатор граф П.И. Кутайсов [26].

12-го сентября, в 12 ч ночи, В.К. фон Плеве прибыл в Томск, на станцию Межениновка. Его встречали начальник Томской губернии К.С. Старынкевич и представители губернской администрации, воинский начальник, заместитель городского головы и члены городской управы. От Томска министру поднесли хлеб-соль на серебряном блюде. Путь от станции Межениновка до дома губернатора, где остановился В.К. фон Плеве, освещали бензиновыми факелами [27]. Министр внутренних дел пробыл в Томске двое суток, осмотрев подведомственные ему учреждения [28]. 13-го сентября он посетил Томское губернское управление, преосвященного Макария, архиепископа Томского и Семипалатинского (в миру – Михаила Андреевича Невского), принял иркутского генерал-губернатора графа П.И. Кутайсова и осмотрел строительство Томской окружной психиатрической лечебницы. В этот же день в Томск прибыл член Совета министерства внутренних дел генерал-лейтенант П.И. Томич. В воскресенье, 14-го сентября, В.К. фон Плеве, начиная с утра и до времени выезда из Томска, принимал представителей, чиновников различных правительственных учреждений и городского управления. При представлении городской управы в полном составе вступавший в должность городского головы передал министру памятную записку с обозначением тех ходатайств городской думы, которые она подавала В.К. фон Плеве в 1903 г.: о сложении с Томска части расходов на содержание полиции; об установлении попудного сбора; о передаче в ведение города телефонной сети и др. В ответ на это министр внутренних дел обратил внимание городского головы на состояние томских улиц, по которым и в хорошую погоду было невозможно проехать, а в тот день шел проливной дождь, и они были покрыты «морем грязи», в связи с чем было дано указание привести улицы в порядок [29]. 14-го сентября в 10 ч 59 мин вечера со станции Межениновка В.К. фон Плеве выехал в обратный путь. На вокзале собрались, чтобы проводить министра, представители губернской администрации и городского управления. Томский губернатор К.С. Старынкевич выехал вместе с В.К. фон Плеве проводить его до границ губернии (обратно губернатор вернулся только 19 сентября) [30].

Встреча В.К. фон Плеве с иркутским военным генерал-губернатором графом П.И. Кутайсовым, который прибыл в Томск еще 7-го сентября и, дожидаясь министра, жил в гостинице «Европейской» (собственно, последний встретил В.К. фон Плеве на станции Тайга, а потом проехал с ним до Томска), имела большое значение. Генерал-

губернатор, совершавший большую поездку по Сибири (сделав крюк, он заехал в Томск), был переполнен различными проектами по ее переустройству. В частности, он побывал в Енисейской губернии, доехав до Енисейска, а затем до Минусинска. После Томска П.И. Кутайсов предполагал посетить Омск, а затем возвратиться в Иркутск. Полномочия графа и сенатора П.И. Кутайсова простирались на некоторые отрасли административного управления Тобольской и Томской губерний [31]. Также он имел намерение посетить Туруханск. Дело было в том, что предшественнику П.И. Кутайсова, генерал-лейтенанту А.И. Пантелееву за несколько лет до этого пришла идея перенести Туруханск на другое место. Свое предложение он мотивировал тем, что этот город являлся самым крайним на севере административным пунктом, который находился на левом берегу Енисея, в «очень нездоровой местности» и в стороне от пароходного движения. Дело застопорилось по причине того, что было очень трудно подыскать подходящий участок, где бы не затопяло берег, было достаточно земли для покосов и можно иметь надежную пристань для пароходов. Предварительно был намечен участок на правом берегу Енисея, близ устья р. Курейки. Поэтому П.И. Кутайсов и хотел посетить Туруханск, чтобы окончательно решить вопрос о переносе города на месте, но из-за отсутствия пароходов отложил свою поездку до будущей навигации. Другим вопросом, который интересовал П.И. Кутайсова, было введение земских учреждений в Сибири, в связи с чем он предложил составить проект этого двум сибирским чиновникам (независимо друг от друга) – непременно члену по крестьянским делам В.И. Новикову и старшему чиновнику по землеустройству В.Ю. Григорьеву. Оба принимали весьма деятельное участие в трудах местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Проекты предполагали завершить к середине октября 1903 г., хотя многие предполагали, что времени было отпущено слишком мало, и это должно было отразиться на качестве работы [32].

Что же касается Томского переселенческого пункта, то периодическая печать сохранила его описание (правда, 1904-го г., уже после поездки министра внутренних дел): переселенческие бараки, как называли пункт местные жители, находились за городом, по соседству с тюрьмой, стереотипным казенным зданием старого типа с небольшими окнами, зияющими, как темные пещеры в известковой скале, с каменной стеной и сторожевыми будками по углам. В пасмурные дни тюрьма поражала своим унынием, печальным видом и казалась совсем темной и мертвой в тени туч. Переселенческий пункт состоял из нескольких деревянных изб, сколоченных кое-как и ок-

руженных дощатым забором, который скрывал от взоров проезжей публики, и вообще от внешнего мира, толпу оборванных загорелых мужчин, истощенных грязных баб и полуодетых детей, слонявшихся группами по двору. На крыльце избы, где ночевали переселенцы, бабы стирали в корыте белье и лили грязную мыльную воду прямо на ступеньки крыльца. Мужчины, одетые в старые кафтаны и лыковые лапти, раскладывали посередине двора костер. Босые дети с грязными ногами, без шапок, с любопытством смотрели на эту процедуру. В помещениях для переселенцев стоял тяжелый запах, посередине избы, прямо на полу, сидела и обедала семья переселенцев. Миска со щами находилась на тюке, зашитом в рогожу. Грязь на полу ужасная, кучи вонючих тряпок, пеленок валялись по углам и под нарами, пахло чесноком, детскими пеленками и прелыми онучами. Воздух был спертый и представлял собой что-то среднее между запахом дешевой кухни и ватерклозета. Экономка была круглолицей, полногрудой деревенской бабой лет под 30, одетой в городской, более или менее модного покроя костюм. Она сердилась на переселенцев за то, что они не называли ее «барыней». Медицинский пункт находился в небольшом домике, состоявшем из трех тесных комнат, где, кроме кровати и стула, не было никакой мебели. Внутренние рамы были вынуты, сквозь щели дул ветер и шевелил паутину, висевшую по углам. Зимой это помещение вообще не топили, и поэтому все лекарства в нем «перемерзли». Из квартиры начальника переселенческого пункта то и дело выбегали какие-то девицы. Хохоча и толкая друг друга, они бегали то на кухню, откуда носили блюда, то в погреб, откуда носили бутылки. Все служащие переселенческого пункта были протеже начальника, они получали хорошее жалованье, ничего не делали, презирали переселенцев и не церемонились с казенным добром. Следы бесшабашного хозяйствования были видны и в аптеке: все вина (красное вино считали лекарством от поноса), вата, общеупотребительные лекарства, различные перевязочные и дезинфицирующие средства, даже письменные принадлежности разворовали служащие после прекращения переселенческой операции прошлой осенью 1903 г., т. е. как раз после того, как приезжал В.К. фон Плеве. В результате этого прием больных было вести невозможно [33].

Проблемой было и то, что через Томск проходили не только добровольные переселенцы, но и ссыльные. Так, ежегодно через него проходило 15–20 тыс. осужденных, а с 1807 по 1899 гг. — 864 тыс. ссыльных и членов их семей. Через Томск они шли в июле-августе. До 1885 г. на пути их следования не было никаких лазаретов, гражданские врачи не жили в этапных деревнях, а военные на-

ходились в гарнизонах. Поэтому средняя смертность в партиях заключенных между Томском и Иркутском составляла 12–15 % [34].

Между тем, ночью с 16-го на 17-е сентября 1903 г. министр внутренних дел проехал в обратном направлении через Челябинск. 17-го сентября, около 5 ч утра, экстренный поезд, на котором ехал В.К. фон Плеве, потерпел крушение на 13-й версте от Челябинска на Самаро-Златоустовской железной дороге. Паровоз и первые два вагона сошли с рельсов и глубоко врезались в землю, остальные два вагона, в одном из которых находился министр, остались на рельсах. В.К. фон Плеве, как и его сопровождавшие из паровозной и кондукторской obsługi, в основном, отделались легким испугом. Из паровозной и кондукторской прислуги больше других пострадал один кондуктор, у которого оторвало кусок мяса на ноге. Причиной крушения поезда стало стадо быков, на которых он наехал. Виновен в крушении был машинист: саженой за 100 до стада, лежавшего на полотне железной дороги, поезд раздавил одного быка и, несмотря на это, продолжал ехать дальше. Наехав на стадо, которое гнали в Челябинск погонщики-киргизы, поезд раздавил еще шесть быков и сошел с рельсов. Как оказалось, пастухи в это время спали. Когда о происшествии стало известно в Челябинске, на место крушения тотчас выехали местные железнодорожные власти. После этого В.К. фон Плеве возвратился в Челябинск. Пока чинили железнодорожные пути (они были повреждены на протяжении 50 саженой), он гулял по платформе вокзала и нетерпеливо ждал нового поезда. В 5 ч вечера он выехал на Златоуст [35].

Интересно то, что крушения поездов на Сибирской железной дороге в этот период происходили довольно часто. Например, 8-го сентября в 9 ч утра по Санкт-Петербургскому времени на 2 813-й версте (также недалеко от Челябинска), произошел наезд подававшегося в карьер вагонами вперед балластного поезда на стоявшие на запасном пути вагоны, вследствие чего произошел сход с рельсов четырех вагонов, был поврежден состав балластного поезда и разбиты четыре платформы. В результате этого крушения погиб ехавший в теплушке для устройства на работу в карьере ссыльнопоселенец Гинетулла Сайдулян, 33-х лет, и получили более или менее серьезные ушибы слесарь 24-го участка Иван Мезенцев, рабочий карьера Шайхаддин Файдулин, 41-го года, и ссыльнопоселенец Шакир Алексеев, 40 лет. Железнодорожный путь был поврежден на протяжении 45 саженой. 11 сентября в 4 ч пополудни по местному времени, при входе рабочего поезда № 548 на станцию Красноярск под колеса этого поезда попала неизвестная женщина, которой отрезала голову, и т. д. [36].

Удивительно было только то, что в этот день, 17-го сентября, произошло сразу три крушения железнодорожных составов. Так, в 30-ти верстах от станции Тайга в 3 ч 40 мин ночи по Санкт-Петербургскому времени произошел сход с рельсов товарно-пассажирского поезда № 12, причем были повреждены паровоз, тендер, один багажный и два «классных» вагона. Несчастий с людьми не было, движение пассажиров производили с пересадкой, причиной схода были лопнувшие рельсы и т. д. Сибирские газеты в связи с этим задавали вопрос: «В этот день... три крушения... Не много ли?» [37].

19-го сентября в 8 ч утра В.К. фон Плеве проехал через Пензу. В тот же день, в 2 ч 15 мин дня он прибыл в Моршанск. На Моршанском железнодорожном вокзале ему представились тамбовский губернатор Н.П. Муратов, местный предводитель дворянства, земские начальники, полицеймейстер, исправник, городской голова и гласные думы. Моршанский городской голова от общества поднес хлеб-соль на серебряном позолоченном блюде. Министр внутренних дел принял хлеб-соль, поблагодарил и разговаривал с предводителями дворянства, земскими начальниками и городским головой. В 2 ч 30 мин он отбыл [38]. 20-го сентября 1903 г. В.К. фон Плеве возвратился в Санкт-Петербург [39].

По итогам своей поездки в Сибирь К.К. фон Плеве написал Николаю II аналитическую записку «Современное положение переселенческого дела в России», где изложил ряд рекомендаций: 1) взамен существовавшего разделения переселения на дозволенное (законное) и самовольное (незаконное) раздробить его на: а) переселение как меру государственного управления, совершавшегося с разрешения и при содействии правительства; б) переселение, предпринимавшееся в силу предоставленного каждому права свободного передвижения, как дело частной инициативы; 2) переселение первого вида должно было находиться под покровительством правительства, второе — существовало бы вне правительственной регламентации и не пользовалось никакими льготами; 3) переселение как меру государственного управления определяли бы на местах выхода переселенцев требованиями земельной политики, а на местах водворения — колонизационными и политическими задачами; 4) к переселению с разрешения и при содействии правительства допускали бы лишь наиболее нуждавшихся, по преимуществу безземельных, крестьян; 5) обязательную отправку до переселения ходоков для осмотра и выбора подходивших земель нужно было сохранить, но без требования посылки особого ходока от каждой семьи. В целях упорядочения передвижения переселенцев желательно было установить перевозку

лиц, следовавших из одной местности, в виде особых партий в сопровождении кого-либо из чиновников местной администрации или из состава переселенческих чинов; 6) особое внимание следовало обратить на развитие переселения на окраины России, которые из политических соображений нуждались в увеличении русского населения (Кавказ, Туркестан, Дальний Восток). Наряду с упомянутыми выше окраинами, В.К. фон Плеве предлагал продолжить переселение в сибирские губернии и степные области, причем в ближайшее время следовало озаботиться организацией переселения в Уральскую и Тургайскую области; 7) переселение на свободные казенные земли в пределах Европейской России не могло быть значительным, поэтому небольшой запас свободных земель в юго-восточных губерниях следовало сохранить для удовлетворения земельных нужд местного населения; 8) успешное водворение переселенцев на места новой оседлости должно было составить главную задачу правительства в области переселенческого дела, для этого необходимо: а) усилить меры попечения о новоселах; б) создать в районах водворения переселенцев особые поземельно-устроительные переселенческие управления и сосредоточить в них образование переселенческих участков, подготовку их к заселению (мелиоративные и дорожные работы); распоряжение предназначенным для заселения фондом, все мероприятия по устройству переселенческих поселков; в) увеличить состав должностных лиц, заведующих водворением новоселов, предоставить им широкие хозяйственные права и сильную административную власть; г) выработать особый устав об устройстве переселенцев на казенных землях [5].

Формирование столыпинского переселенческого курса началось за несколько лет до начала этой реформы. Так, в конце своей деятельности Комитет Сибирской железной дороги пришел к выводу о том, что переселенческий закон 1889 г. устарел. Поэтому министерству внутренних дел поручили выработать проект новых правил о переселении крестьян на свободные казенные земли. В.К. фон Плеве был сторонником реформ «сверху» для предотвращения революции. В первую очередь, он предлагал политику переселения кре-

стьян. В.К. фон Плеве был убит 15 июля 1904 г. в Санкт-Петербурге, на Измайловском проспекте, студентом Е.С. Сазоновым, который бросил бомбу в его карету. Тем не менее, важнейший переселенческий закон «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев», принятый 6 июня 1914 г., был составлен на основе принципов, выраженных в записке В.К. фон Плеве «Современное положение переселенческого дела в России». По новым правилам было разрешено ранее формально запрещенное свободное переселение, однако без предоставления правительственных льгот. Напротив, для крестьян, переселявшихся на угодные государству земли, увеличивали число льгот и срок их действия. Новой стала ст. 18, согласно которой новоселам предоставлялось право требовать выделения причитающихся им участков в хуторские отруба. Все это помогало дальнейшему развитию переселенческого дела. По мысли В.К. фон Плеве, переселение должно было служить не только колонизационным целям, но и целям земельной политики государства, а именно облегчать земельные нужды наиболее ослабшей части крестьянского населения в тех местностях, где переселение являлось единственным средством для перехода к улучшенным порядкам землепользования. Он рассчитывал, что переселение поможет поднять благосостояние беднейших крестьян и тем самым уменьшить почву для недовольства. Воздействовать на направления переселения министр внутренних дел предлагал только экономическими методами. Однако, объявив переселение общегосударственным делом, В.К. фон Плеве ограничивал роль государства предоставлением помощи только части переселявшихся крестьян. Переселение по-прежнему делили на официальное, которое поощрялось, и стихийное, т. е. самовольное, которое не запрещали, но и не поддерживали. К тому же, при всей важности колонизационных интересов, в случае несовпадения этих интересов с интересами улучшения земельного быта населения на местах выхода, он предлагал отдавать предпочтение интересам землеустройства. Тем не менее, в конечном итоге основные принципы переселенческой политики В.К. фон Плеве легли в основу переселенческого курса П.А. Столыпина.

Литература

1. Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 71-73.
2. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период капитализма. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. С. 126-130.
3. Беркенгейм А.М. Переселенческое дело в Сибири (по личным наблюдениям и официальным данным). М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1902. С. 24, 28.

4. Тернер Ф.Г. Переселенческое дело // Вестн. Европы. 1897. Кн. 5. С. 62.
5. Плеве В.К. Современное положение переселенческого дела в России. СПб., 1903. С. 14, 19, 27-28, 39, 40, 42-43.
6. Телеграммы // Сибирский вестн. 1903. 24 авг.
7. Томская хроника // Сибирская жизнь. 1903. 2 сент.
8. Корреспонденция // Новое время. 1903. 3 сент.
9. Протоколы Нижегородской городской думы за 1903 г. Н. Новгород: Нижегородская губернская тип., 1904. Ст. 214.

10. Телеграммы // Новое время. 1903. 4 сент.
11. Томская хроника // Сибирская жизнь. 6 сент.
12. Телеграфические известия (ночные телеграммы) // Русские ведомости. 1903. 5 сент.
13. Телеграммы // Московские ведомости. 1903. 6 сент.
14. Местная хроника // Самарская газета. 1903. 7 сент.
15. Телеграммы // Новое время. 1903. 8 сент.
16. Телеграммы // Московские ведомости. 1903. 9 сент.
17. Телеграммы // Новое время. 1903. 10 сент.
18. Челябинский переселенческий пункт. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих (влад. А.Э. Коллинс), 1910. С. 3.
19. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем: ист. очерк. СПб., 1903. С. 309.
20. Коньшева Е.В. Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Больница», расположенного по адресу г. Челябинск, Переселенческий пункт, 26. Челябинск, 2022. С. 10.
21. Смирнова В.Е. Челябинский переселенческий пункт (конец XIX в. - 1920-е гг.) // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Сер. История. 2000. № 1 (11). С. 49.
22. Весновский В.А. Карманный справочник «Весь Челябинск и его окрестности». Челябинск: Тип. Л.Б. Беслиной, 1909. С. 131.
23. Хроника Сибири // Сибирская жизнь. 1903. 20 сент.
24. Железнодорожная линия Омск - Ташкент // Сибирская жизнь. 1903. 4 сент.
25. Телеграфические известия (ночные телеграммы) // Русские ведомости. 1903. 12 сент.
26. Хроника // Вестн. Сибирской железной дороги. 1903. 11 сент.
27. Томская хроника // Сибирская жизнь. 1903. 14 сент.
28. Телеграммы // Московские ведомости. 1903. 17 сент.
29. Господин министр внутренних дел в Томске // Сибирская жизнь. 1903. 16 сент.
30. Корреспонденции // Сибирская жизнь. 1903. 16 сент.
31. Сибирские вести // Восточное обозрение. 1903. 18 сент.
32. Административные перемены и проекты // Сибирская жизнь. 1903. 19 сент.
33. На переселенческом пункте // Сибирская жизнь. 1904. 14 авг.
34. Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 275.
35. Крушение министерского поезда // Уральская жизнь. 1903. 19 сент.
36. Томская хроника // Сибирская жизнь. 1903. 16 сент.
37. Сибирские вести // Восточное обозрение. 1903. 26 сент.
38. Телеграммы // Московские ведомости. 1903. 20 сент.
39. Хроника // Новое время. 1903. 21 сент.